

Опричнина без оправданий и объяснений: почему не было проопричного нарратива?*

Александр Филюшкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Oprichnina without Justifications or Explanations: Why was there no Pro-oprichnina Narrative?**

Alexander Filyushkin

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article explores the reasons why the oprichnina was scarcely reflected in national narrative sources from the time of Ivan the Terrible. The oprichnina turned out to be a “figure of silence”. This fact requires explanation. In 1541–1542, the concept of confrontation between the monarch and the boyars was created in the *Voskresenskaya* Chronicle. The boyars were declared traitors, guilty of embezzlement, abuse of power, and treason in favour of foreign powers. Since Ivan IV, at the age of 11, could hardly have come up with such a concept of Russian history and included it in the chronicle, its author was another person. The paper hypothesises that it was Metropolitan Macarius, who was transferred to Moscow from Novgorod in 1542, or someone from his inner circle. It first appeared in the Novgorod Chronicle of 1539. This concept justified repressions against the aristocracy. It was developed in the *Chronicle of the Beginning of the Tsardom* (1552) and the *Book of Degrees* compiled in 1556–1563. It was the idea of the government’s struggle against “boyar treason” that formed the basis of the ideological legitimization for the oprichnina in 1565. However, the paradox is that the oprichnina narrative that would legitimise and justify the oprichnina policy was never created. Its elements are present in the First Letter of Ivan the Terrible

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 24-28-00538 «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в раннее Новое время».

** Citation: Filyushkin, A. (2025). Oprichnina without Justifications or Explanations: Why was there no Pro-oprichnina Narrative? In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 2. P. 542–558. DOI 10.15826/qr.2025.2.981.

Цитирование: Filyushkin A. Oprichnina without Justifications or Explanations: Why was there no Pro-oprichnina Narrative? // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 2. P. 542–558. DOI 10.15826/qr.2025.2.981 / Филюшкин А. Опричнина без оправданий и объяснений: почему не было проопричного нарратива? // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 2. С. 542–558. DOI 10.15826/qr.2025.2.981.

to Prince Andrei Kurbsky (1564) and in the *Tsar Book* (the last volume of the *Litsevoi Letopisnyi Svod*, circa 1576 – early 1580s). There, the theme of “boyar treason” was developed, right up to the accusation of usurpation of power and the criminal removal of Ivan IV from it. However, these versions related to the description of Russian history from 1533–1554 and were not extended to the history of the oprichnina in 1565–1572. The chronicles and other narrative sources are simply silent about it until the death of Ivan the Terrible in 1584. The reasons for this are not clear. The author of the article offers two possible explanations, i. e. technical and conceptual. The former implies that after the death of Macarius in 1563, there were no competent performers who could create a pro-oprichnina narrative that the tsar would like, while the latter implies that the oprichnina had a hidden, possibly eschatological meaning, which the scribes of the sixteenth century could not talk about in the official chronicle.

Keywords: historical concepts, “boyar rule”, Ivan IV, oprichnina, Metropolitan Macarius, Russian chronicles, Boyar Duma

Рассматривается вопрос о том, почему феномен опричнины получил очень слабое отражение в отечественных нарративных источниках времени Ивана Грозного. Опричнина оказалась «фигурой умолчания». Данный факт нуждается в объяснении. В 1541–1542 гг. в Воскресенской летописи была создана концепция противостояния монарха с боярством. Бояре были объявлены изменниками, виновными в казнокрадстве, злоупотреблении властью, предательстве в пользу иностранных держав. Поскольку Иван IV в возрасте 11 лет вряд ли мог придумать такую концепцию русской истории и внести ее в летопись, ее автором был другой человек. Высказывается гипотеза о том, что им был митрополит Макарий, в 1542 г. переведенный в Москву из Новгорода, или кто-то из его ближнего окружения. Она впервые появилась в Новгородском своде 1539 г. Данная концепция оправдывала репрессии против аристократии. Она получила развитие в «Летописце начала царства» 1552 г. и «Степенной книге», составившейся в 1556–1563 гг. Именно идея борьбы власти с «боярской изменой» в 1565 г. была положена в основу идеологического обоснования опричнины. Однако парадокс в том, что при этом проопричный нарратив, который бы легитимизировал и оправдывал опричную политику, так и не был создан. Его элементы присутствуют в Первом послании Ивана Грозного князю Андрею Курбскому (1564) и в Царственной книге (последнем томе Лицевого летописного свода, около 1576 – начала 1580-х гг.). Там тема боярской измены получила свое развитие вплоть до обвинения в узурпации власти и преступного отстранения от нее Ивана IV. Однако эти версии относились к описанию русской истории 1533–1554 гг. и не были распространены на историю опричнины в 1565–1572 гг. О ней летописи и другие нарративные источники просто молчат вплоть до смерти Ивана Грозного в 1584 г. Причины этого можно только предполагать. Автор предлагает два возможных объяснения: техническое и концептуальное. Техническое – после смерти Макария в 1563 г. не нашлось грамотных исполнителей, способных создать проопричный нарратив, который понравился бы царю. Концепту-

альное – опричнина имела скрытый, возможно, эсхатологический смысл, о котором книжники XVI в. не могли рассказать в официальной летописи.

Ключевые слова: исторические понятия, «боярское правление», Иван IV, опричнина, митрополит Макарий, русские летописи, Боярская дума

Одной из причин непонимания смысла опричной политики Ивана Грозного является то, что никто из современников, от Ивана Грозного до его опричников, нигде не объяснил, что, собственно, они делали и зачем все это было нужно. Данное обстоятельство представляется довольно странным, потому что история правления 1530–1540-х гг. в летописях того времени тщательно прописывалась с позиций политической конъюнктуры, обличения «боярских измен» (что отразилось в историографической концепции «боярского правления») [см.: Смирнов; Кром]. Обвинение со стороны царя в адрес бояр («мне сиротствующу, а царству вдовствующу») попало даже в Стоглав [Емченко, с. 246]. «Крамолам» «изменных подданных» посвящены целые пассажи в первом и втором посланиях Ивана Грозного князю Курбскому [Переписка, с. 12–52, 103–105]. То есть тема изменников, подлежавших «справедливому наказанию» со стороны царя, в нарративе XVI в. присутствует, но вся ее фактура связана с событиями 1530–1550-х гг. Обоснования со стороны власти репрессий 1560–1570-х гг., когда «борьба с крамольниками», казалось бы, достигла наибольшего размаха, в источниках нет.

Данная ситуация нуждается в объяснении, потому что противоречит и практике создания исторического дискурса Иваном Грозным (ведь про 1530–1550-е гг. такой нарратив был создан, да еще и в нескольких вариантах), и просто здравому смыслу. Получается, что в борьбе двух группировок – опричников и земцев – нарратив остался только от второй. Первая была абсолютно нема, не нашлось ни одного человека, который бы высказался от ее имени, назвал бы «изменников» изменниками и захотел бы оправдать репрессии. История тиранических режимов Нового и Новейшего времени показывает, что так не бывает. За палачей и тиранов пытаются вступить если не современники, то хотя бы потомки. Но опричников стали оправдывать только во времена И. В. Сталина, когда параллели между 1560-ми и 1930-ми годами оказались слишком бросающимися в глаза.

Каким образом в нарративе Ивана IV формировался «изменный дискурс»? Уже в первом памятнике о правлении юного монарха – Воскресенской летописи (статьи за 1533–1541 гг. составлены около 1541 г.) [Сиренов, 2014, с. 124; Жуков, 2023, с. 160] – говорится о противниках великого князя. Через семь дней после преставления Василия III был арестован Юрий Дмитровский, в августе 1534 г. – И. Ф. Бельский и И. М. Воронцов, 19 августа – Михаил Глинский, причем для всех них в Воскресенской летописи прописаны «вины», то есть помещена обвинительная трактовка, оправдывающая репрессии со стороны

центральной власти. Под 1537 г. помещен рассказ о «поимании» Андрея Старицкого, здесь тон иной: история трактуется как «замятня», взаимное непонимание сторон. Под 1538 г. описываются придворные интриги Шуйских, жертвами которых стали дьяк Федор Мишурин и сведенный с митрополии владыка Даниил [ПСРЛ, т. 8, с. 286–295].

Таким образом, мы видим возникновение темы антагонизма между великокняжеской властью, княжеской «братией» – претендентами на власть, и боярами, плетущими свои интриги, еще в 1541 г. Очевидно, что от 11-летнего Ивана IV эта инициатива исходить не могла. В историографии составление Воскресенской летописи за эти годы связывали или с митрополичьей канцелярией [Иконников, с. 1187], или с влиянием клана Шуйских [Левина, с. 40–41]. Последняя гипотеза опирается на якобы умолчание летописи о неблагоприятных делах Шуйских, однако применительно к событиям 1538 г. это явно не так: Шуйские там изображены участниками крамол и интриг.

Думается, что попытки определить автора по гипотетическим реконструкциям его симпатий и антипатий бесполезны. Понятно, что свод составлялся в кругах, близких ко двору, и отражал позицию центральной власти. В каком скриптории она оформлялась – митрополичьей канцелярии, великокняжеской канцелярии, Чудовом монастыре – можно только гадать, но это не столь уж принципиально, важен сам факт политической конъюнктуры в летописном тексте. Конъюнктуры «провеликокняжеской», в которой главными супостатами объявлены боярские кланы и «братия», недобитая удельная знать. Историки всегда считали, что антибоярский пафос исходил прежде всего от самого царя или от советников вроде Басмановых. Тут же получается, что он возник еще во времена его малолетства среди каких-то верных трону лиц, которые, возможно, и внушили правящему сироте, кто его главный враг.

Здесь необходимо обратить внимание на Новгородский свод 1539 г. [Новикова, с. 91], отразившийся в Новгородской летописи П. П. Дубровского (НЛДубр) [Шахматов, с. 168–170]. Она содержит в основном известия местной новгородской истории периода архиепископства Макария (1526–1542). Но примечательно, что именно в данном кругу источников (а также связанных с ними летописных сборников, указанных О. Л. Новиковой) фигурирует «Повесть о смерти Василия III» [Новикова, с. 105–106; ПСРЛ, т. 43, с. 224–232]. Автор НЛДубр, как отмечено учеными, возвеличивает Елену Глинскую и изображает в заведомо негативном свете ее противников Михаила Глинского, Андрея Ивановича Старицкого, строптивых бояр, которые даже возражают против желания Василия III принять перед смертью схиму. Точно так же осуждаются мятежники Семен Бельский и Иван Ляцкий («разгордевся своим безумием») [ПСРЛ, т. 43, с. 223].

Учитывая эти совпадения, а также то, что именно Макарий (а с ним, естественно, какая-то группа лиц) переехал в 1542 г. в Москву и занял митрополичий престол, можно сказать, что новгородский

архиепископ / московский митрополит или кто-то из его ближнего круга выглядит наиболее вероятным претендентом на авторство идеи изобразить боярские кланы главным источником крамолы в период малолетства государя. 1541 или 1542 годы здесь представляются возможным диапазоном рождения этой идеи. Новгород и Москва не были изолированы, и трансфер в 1541 г. был вполне возможен.

С деятельностью Макария было связано возобновление русского летописания в 1550-е гг. В придворных кругах возникла мысль объединить идею царства и идею завоевания Казани как татарского царства. Царь становился настоящим через христианский подвиг, победу над наследниками Орды. Так в начале 1550-х гг. создается новая официальная летопись – «Летописец начала царства» (далее – ЛНЦ). Известны его редакции 1552, 1556, 1560 гг. [Жуков, 2016].

Виновниками смут в стране в ЛНЦ однозначно названы бояре, которых искушает дьявол. Они действуют интригами, подлостями, в помрачении ума, обманывают великую княгиню, пользуются малолетством государя. Они бегут к Юрию Дмитровскому и к королю Сигизмунду. Они плохо воюют, и их за это наказывают: «в страх и в наказание иным будет» [ПСРЛ, т. 29, с. 24]. В гонениях и гибели своих родственников (Юрия Дмитровского, Михаила Глинского, Андрея Старицкого) ни великий князь, ни Елена не виноваты, все случилось из-за наветов «лихих людей». Митрополитов Даниила и Иосафа, церковных владык, смещают «бояр нелюбим» [Там же, с. 34, 42]. Поэтому гонения великого князя на бояр справедливы и богоугодны. Они начались 29 декабря 1543 г., когда

...князь велики Иван Васильевич всея Руси не мога терпети, что бояре безсчинье и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников многие убииства сотвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости. И велики государь велел поймати первого советника их князя Ондreja Шюискаго [ПСРЛ, т. 29, с. 45].

ЛНЦ выступил важным рубежом в изображении истории правления Ивана Грозного. Это не просто хроника, а глорифицирующее произведение, воспевающее триумф православного царя. Он изображен как Новый Константин, Новый Владимир, повергающий врагов так же, как Дмитрий Донской и Александр Невский. Он расширил пределы державы, изгнал змея-дьявола, победил последователей Магомета и утвердил православное христианство среди новых народов и земель. Иван изображен в лучах славы, а все, кто ему мешают в его славных деяниях, либо лукавы сердцем, изменники, либо обманувшиеся люди. ЛНЦ выносит однозначный обвинительный вердикт действиям князей и бояр при Елене Глинской и в малолетство государя. Именно на его страницах была окончательно оформлена концепция «боярского правления» в 1530–1540-е гг., окрашенная негативны-

ми красками. Государь жалует праведных слуг и карает изменников, которыми выступают бояре – «льстецы» и «обманщики».

Около 1556 г. происходит новый подъем в создании официальной «царственной» концепции русской истории. Создается новая редакция Летописца начала царства. Где-то в это же время (по А. С. Усачеву, около 1556–1558 гг. [Усачев, с. 187]) начинается работа по созданию главной книги русской истории, в которой должна была быть представлена ее квинтэссенция – «Степенной книги» (далее – СК). Написание растянулось до начала 1560-х гг. (последнее известие – о взятии Полоцка в 1563 г.) и, возможно, не было закончено. На ее страницах русская история делится на 17 степеней-ступеней, по которым осуществляется восхождение Российского царства на высшую точку истории. Ступени – это подвиги русских правителей и святых. А высшая точка – это правление царя Ивана IV.

Источники, процесс создания, идеи СК хорошо изучены Н. Н. Покровским, Г. Ленхофф, А. В. Сиреновым, А. В. Усачевым и другими, и мы отсылаем к их работам [Сиренов, 2007; Сиренов, 2010; Усачев; Степенная книга, т. 3]. СК повторяет идеи ЛНЦ о том, что виновниками конфликта центральной власти с Юрием Дмитриевским и Андреем Старицким были «боярский совет» и «смущение злых людей» [Степенная книга, т. 2, с. 346]. «Крамола в боярах и насытное мздоимство» также были причинами нестроений в годы малолетства великого князя и в правление Елены Глинской [Там же, с. 352].

Кроме СК, в 1550–1560-е гг. развивается официальное летописание. Объединение Воскресенской летописи и редакции ЛНЦ 1556 г. отражено в Патриаршем списке Никоновской летописи, а Воскресенской летописи и редакции ЛНЦ 1560 г. – в списке Оболенского Никоновской летописи. Свод 1560 г. отложился во Львовской летописи [Жуков, 2022]. Официальная летопись была доведена в своем изложении до 1568 г. Она продолжает ранее заложенную концептуальную линию: царь приказывает праведных миловать, а злых наказывать «с запрещением» [ПСРЛ, т. 13, с. 231]. В преамбуле к приговору об отмене кормлений помещена целая манифестация идеи царской власти. Истоки царской премудрости – «страх Господень», чистота перед Богом, оставление грешных развлечений, молитва, защита правды, защита подданных от иноверных басурман и латинян, защита и распространение веры Христовой, чтобы освободить православие от рук нечестивых, «только закон Христов и ратные дела». Царь всех своих подданных, «велмож», и средних, и «младых», одинаково «любит, всех жалует и удовлетворяет уроки в правду, против их трудов, и мзды им въздает по их отечеству и службе». Царь уподобляется библейскому пастырю, «полагающему душу за овца». Он должен отвращать подданных от всех недобрых дел, чтобы на Страшном суде заявить: «Господи! Се яз и люди, яже ми еси дал» [ПСРЛ, т. 13, с. 267–268]. Следует заметить, что эти идеи очень созвучны с мыслью А. Л. Юрганова, что одним из мотивов учреждения опричнины было возложение царем

на себя функции «казни грешников в последние времена» [Юрганов, с. 356–410], то есть, по сути, отвращения подданных от недобрых дел, чтобы с гордостью предъявить это на Страшном суде. Как мы видим, эта формула появляется в официальной летописи еще до опричнины.

Среди проявлений «боярской» измены летопись называет следующие события: рассказ о подавлении ереси Матвея Башкина [ПСРЛ, т. 13, с. 232]; бегство в Литву Н. С. Лобанова-Ростовского, арест С. Лобанова-Ростовского (1554) [Там же, с. 237]; пострижение великой княгини Евфросиньи и опала на Владимира Андреевича, перебор его двора (1563) [Там же, с. 368]; опала на И. Д. Бельского (январь 1562 г.) [Там же, с. 340]; опала на Михаила и Александра Воротынских, Дмитрия Курлятева (1562) [Там же, с. 344]; измена и бегство А. М. Курбского (30 апреля 1564 г.) [Там же, с. 383]; опричный отъезд Ивана IV и учреждение опричнины (декабрь 1564 – февраль 1565 г.) [Там же, с. 391–396].

Примечательно, что в повествовании не видно перемен после рокового января 1565 г., момента официального введения опричнины. В грамоте, присланной с Константином Поливановым от 3 января 1565 г. и пересказанной в летописи, говорится, что в ней «писаны измены боярские, и воеводские, и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государского возрасту после отца его». Таким образом, под пером летописца главная причина опричного переворота выглядит как злоупотребления эпохи боярского правления, убытки казне и отсутствие «прибытков», раздача в частные руки государевых земель, злоупотребления кормленщиков, нежелание оборонять государство от крымцев, литовцев и ливонцев, пренебрежение службой. Но при этом дважды повторяется, что все это было в «государевы несовершенно лета». Поэтому царь «от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его, государя, Бог наставит» [Там же, с. 392].

Здесь есть очевидная логическая нестыковка: если беды от бояр заключились во времена боярского правления и с тех пор прошло 17 лет, то почему сейчас? С другой стороны, прозвучавшие инвективы полностью созвучны с ранними текстами летописи, в которых также критиковалась эпоха «боярского правления», а также с преамбулой «приговора о кормлениях», где также говорится о злоупотреблениях кормленщиков. Сюда вписывается сюжет об объявлении милости к простым горожанам и купцам, потому что раньше их ни в каких грехах не обвиняли. Собственно, новым тут является только демарш государя.

В описании реакции подданных воспроизводится библейская формула об овцах без пастыря. Испугавшиеся перспективы «лишиться пастыря», москвичи взмолились, чтобы царь государства не оставлял «и их на расхищение волком не давал», «а хто будет государских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят» [Там же, с. 393]. Государь волен казнить и миловать лиходеев. Эту позицию

подтвердили церковные деятели и бояре. Иван Васильевич заявил, что он передумал по ходатайству митрополита Афанасия (традиционная опять-таки роль митрополита – «печаловаться» за опальных).

Челобитье же государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали, и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати, а учинити ему на своем государстве себе опришнину [ПСРЛ, т. 13, с. 394].

После этого следует описание казни в феврале 1565 г. А. Б. Горбатого, А. А. Горбатого, П. П. Головина, И. И. Сухово-Кашина, Д. А. Швырева и последующего насильного пострижения в чернецы бояр И. Куракина и Д. Немого. Далее следует упоминание о «казанской ссылке» для дворян и детей боярских [Там же, с. 395–396].

Введение опричнины никак не сказалось на содержании летописи за 1565–1568 гг. Интенсивность упоминания боярских опал даже снизилась. Собственно, если не знать, что в эти годы в стране существовала опричнина, на страницах летописи ее невозможно увидеть; она проявляется один раз в 1565 г. в рассказе об отречении царя и «разделении царства». Местные летописцы второй половины XVI в. (свод Корнилия 1567 [Псковские летописи, т. 2, с. 227–248], Новгородская Вторая (Архивская) летопись) [Новикова, с. 206–213; ПСРЛ, т. 30, с. 147–205], Соловецкий летописец [Корецкий, с. 224–243]) могут критически высказываться об отдельных эпизодах правления царя и даже упоминать «опричников» и «государев разгром» Новгорода, но развернутого описания опричнины и тем более ее осмысления в них нет.

В середине 1570-х – начале 1580-х гг. была сделана бумага, на которой написан Лицевой летописный свод (далее ЛЛС) – грандиозное произведение, призванное вписать русскую историю в мировую историю. Его десятый том, Царственная книга (ГИМ, Син., № 149), должна была рассказать о правлении Ивана Грозного. Остается открытым вопрос, был ли ЛЛС составлен в 1570–1580-е гг., то есть после производства бумаги, на которой он написан, или же в эти годы была скопирована какая-то более ранняя летопись? Текст ЛЛС за время правления Ивана Грозного, как показали А. Е. Пресняков и Б. М. Клосс, восходит к списку Оболенского Никоновской летописи [Пресняков, с. 1–51; Клосс, с. 209–212]. В. В. Морозов указал на свод 1560 г. как источник ЛЛС [Морозов, 1986, с. 98–108; Морозов, 1990, с. 246–268].

К ЛЛС были сделаны приписки, которые потом оказались внесены в обновленный текст Царственной книги. Существует гипотеза об авторстве приписок Ивана Грозного [Амосов, с. 97; Альшиц, 1988, с. 207–227], и мы, возможно, имеем шанс увидеть на страницах летописи точку зрения первого русского царя. Однако приписки к ЛЛС ставят больше вопросов, чем дают ответов. Прежде всего они касают-

ся только событий 1535–1557 гг. По неизвестным нам причинам автор интерполяций никак не высказался о событиях 1558–1568 гг., где его свидетельства были бы для нас наиболее ценными.

В приписках приводятся дополнительные детали и подробности, которые иной раз дают иную интерпретацию событий, чем в летописи. Под январем 1543 г. в ЛЛС помещено беспрецедентное заявление – во время мятежа Ивана Шуйского «бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учиниша» [ЛЛС, кн. 20, с. 198]. То есть юный царь был напуган боярами, и об этом сообщается в официальной летописи! В Царственной книге уточняются обстоятельства ужасной сцены: при аресте Ивана Бельского «бояре пришли ко государю в постелные хоромы не по времени, за три часа до света, и пети у крестов заставили» [Там же, с. 17].

Критической точкой выступает боярский мятеж 1553 г., попытка государственного переворота во время болезни государя, после чего пошла «в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость» [ПСРЛ, т. 13, с. 526]. Первоначально была сделана пространная приписка (причем к рассказу о награждении участников казанского похода 1552 г. [ЛЛС, кн. 21, с. 504–509]), а потом она была внесена в текст Царственной книги и к нему были нарисованы миниатюры: 12 контурных нераскрашенных миниатюр, девять черновых рисунков карандашом и шесть мест пустые под миниатюры [Там же, с. 534–561], то есть планировалось 27 иллюстраций.

Случай в русской книжности беспрецедентный – перед нами история «боярского мятежа» в картинках. Автор текста однозначно на стороне царя и царевича Дмитрия, против Владимира Андреевича и бояр, не желающих присягать наследнику Дмитрию. В этом же смысле примечательно пространное обвинение в адрес попа Сильвестра о захвате царской власти:

Бысть же сей священник Селивестр у государя в великом жаловании и в совете духовном и в думном, и бысть яко всемогай, и вся его послушашу и никто же смеаше ни в чем же противитися ему... и никто же смеяше ничтоже рещи, ни сотворити не по его велению, и всеми владыше обема властями, и святителскими и царьскими, якоже царь и святитель [Там же, с. 553–554].

Данный текст удивителен – на страницах официальной летописи, призванной прославить Ивана IV, помещен рассказ о том, что Иван правил чисто номинально, а реальная власть и сила были у временщика Сильвестра. Подобные утверждения об узурпации «худородными» царских полномочий мы встречаем только в Первом послании Ивана Грозного Андрею Курбскому (1564), но там к «всемогому» Сильвестру добавлен окольничий Алексей Адашев («И тако убо ниже во внешних, ниже во внутренних, ниже в малейших и худейших, глаголю же до пища и до спания, вся не по своей воле бяху, но по их

хотению творяхуся, нам же аки младенцем пребывающим») [Переписка, с. 31]. При этом о наказании Сильвестра за его возвышение ЛЛС ничего не говорит, лишь отмечая, что он поддержал кандидатуру Владимира Андреевича и из-за этого возникла вражда между боярами, лояльными трону, и Сильвестром с его советниками [ЛЛС, кн. 21, с. 555].

История «боярского мятежа» 1553 г. изучалась подробно [Альшиц, 1948, с. 266–292; Назаров, с. 82–83, 86–87; Kleimola, p. 208–210; Гробовский, с. 54–58, 64–68; Скрынников, с. 102–110; Хорошкевич, с. 23–42; Филюшкин, 1998, с. 77–105; Флоря, с. 67–72; Halperin, p. 57–62]. Ученые установили, что рассказ ЛЛС реалиям соответствует мало, там много странностей и противоречий, несовпадений с данными других источников. Перед нами идеологически заостренный текст, работающий все на ту же идею существования боярской оппозиции царю, «зlobесных изменников».

Но этот текст парадоксален: получается, что официальная летопись рассказывает о бунте против государя и захвате его власти, то есть о слабости царя. Что он за монарх, если допустил, что вместо него правит «всемогий» поп? Если бы после этого следовало описание расправы над «изменниками», то рассказ бы работал на прославление государя. Но летопись говорит только о «вражде» между государем и боярами, но не о торжестве справедливого царя над «крамольниками». Видимо, осознанием этих обстоятельств объясняется то, что Царственная книга не была завершена и официальным государственным нарративом не стала.

Кроме летописей, взгляды на смысл правления Ивана IV отразились на страницах эпистолярных памятников. 5 июля 1564 г. датируется Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому (далее – ППГ), в котором он излагает свое видение истории собственного правления. Иван заявил, что с юности был лишен реальной власти и оказался фактически в заложниках у узурпаторов, к числу которых, судя по употребляемому в письме местоимению «вы», он относил и своего адресата князя Андрея Курбского: «от юности моя благочестие бесоподобно поколебасте, и еже от Бога державу, данную ми от прародителей наших, под свою власть отторгосте» [Переписка, с. 15]. Измену возглавили «поп и Алексей», священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр и окольничий Алексей Федорович Адашев. Она заключалась в том, что «Богом им данного и рождающегося у них на царстве царя, преступив крестную клятву, и отвергшись, и елико возмогоща злая сотвориша всячески, и словом, и делом, и тайными умышлениями» [Там же, с. 19]. Мотивы действий «изменников» – «выше меры желающе славы и чести и богатства и разорению христианскому желающе быти» [Там же, с. 23]. По словам Ивана Грозного, «вся вселенная исписати может ваших измен и утеснений, земских и особых, еже вы своим зlobесовским умышлением сотвористе на меня» [Там же, с. 41].

Эти взгляды в значительной степени совпадали с трактовками официальной летописи относительно боярских крамол в 1530–1550-е гг., «боярского мятежа» 1553 г. (хотя различались в деталях и расстановке исторических ролей разных лиц). Разница в том, что в ППГ Иван Грозный пошел дальше и назвал имена лидеров «изменников» – Алексея Адашева и попа Сильвестра. Эта трактовка отличается от официальной летописи, в которой «всевластный» Сильвестр упоминается только в ЛЛС в приписке к рассказу о «боярском мятеже» 1553 г., а Алексей Адашев изображен верным слугой престола (даже в той же приписке).

Перед нами попытка создания проопричного нарратива, идеологического обоснования репрессивной политики, направленной против «изменников». Обвинения, возводимые на крамольников (объединенных местоимением «вы»), однозначно рисовали их как преступников, достойных наказания (изменили православию, клятве, предали государя, покушались на его семью, пытались узурпировать власть, предавали на фронтах, устроили несправедливые гонения на верных царевых слуг и т. д.). Никаких оправданий таким грехам нет и быть не может. Опричнина смотрелась бы справедливым возмездием.

Здесь примечательно то, что, в отличие от рассказа о «боярском мятеже» 1553 г., версия «истории России по Первому посланию Ивана Грозного» не получила в XVI в. никакого развития, кроме как в ответном Третьем послании Курбского (1579), и в «Истории о делах великого князя Московского» Андрея Курбского (до 1583 г.), где она излагается с диаметрально противоположным знаком. «Изменники» Адашев и Сильвестр превращаются в «святых мужей». В официальной летописи и ЛЛС царь почему-то больше не возвращался к теме узурпации власти Адашевым и Сильвестром, хотя она была в трактовке ППГ абсолютно выигрышной для оправдания опричных репрессий.

Причины отсутствия проопричного нарратива, фактического прерывания развития царских идей, объяснить сложно. Судя по всему, попытка создания постопричного нарратива была, но она просто не реализовалась в силу неискренности исполнителей. В декабре 1563 г. умер Макарий, с которым (и его окружением), видимо, было связано создание «антибоярской истории» в Воскресенской летописи, ЛНЦ, СК. Новых способных исполнителей не нашлось. На это косвенно указывают правка ЛЛС (интерполяции к Лицевому своду) и их внесение в обновленный текст (и даже рисование к ним новых миниатюр), который, впрочем, тоже не был завершен. Работа не понравилась, не была принята вышестоящими инстанциями. Версия ППГ оказалась слишком радикальна. Ничего не получилось, и развитие темы просто бросили.

Возможно, что с опричниной были связаны какие-то понятия и идеи, которые книжники не знали, как внести в летопись. По своей сути и целям опричнина не была просто продолжением политики репрессий против «изменного» боярства, иначе она бы спокойно

вписывалась в идеи антибоярского нарратива Воскресенской летописи, ЛНЦ, СК и ЛЛС. Но она явно отличалась чем-то важным, потому что она сразу после учреждения стала «фигурой умолчания». Русские дипломаты отрицали существование опричнины, когда их об этом спрашивали. В инструкции приставам Ивану Новосильцеву и Дружине Головину (апрель 1566 г.), встречавшим литовского посла Ф. Б. Юрягу, говорилось:

А нечто спросит, что ныне у государя вашего слывет опришнина, и им молвити: у государя нашего некоторые опришнины нет, живет государь на своем царском дворе, и которые дворяне служат правдою, и те при государе и живут blisko, а которые делали неправды, и те живут от государя подале. И нечто будет, не зная того, мужичья называют опришниную, и мужичьим речем чему верити? Волен государь, где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит, от кого ся государю отделивати? [СИРИО, т. 71, с. 331].

Эта же концепция (опричнина как разделение на ближних и дальних людей) встречается в наказе Луке Новосильцеву, послу в Турцию, в 1569 г.:

А вспросят его про опришнину, и ему умолвити, яз опришнины не ведаю, ком увелит государь blisko жити, тот blisko и живет, а кому не велит государю blisko жити, тот живет далеко. Где кому государь велит жити, тот тут и живет. Все люди Божьи да государевы, о болши того не говорить ничего [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.].

При этом когда речь заходила о репрессиях против отдельных лиц, их не скрывали и проговаривали обвинения, называли их изменниками (М. Воротынский, А. Курбский). Значит, жестких действий как таковых против подданных не стеснялись. Но смысла и целей опричнины объяснять не хотели. Почему?

Верифицируемого ответа на этот вопрос нет, как и нет конвенционального ответа на вопрос, что такое опричнина. Есть концепции, связывающие опричнину с эсхатологическими идеями, «карой грешников в последние времена» [Юрганов, с. 356–410; Булычев]. Это многое бы объясняло, такие идеи были не для широкого обсуждения, и для их внесения в летопись было бы недостаточно обычного погодного повествования, требовалось бы сочинить особый рассказ, под который подвести изложение событий, оправдание репрессий. Создание такого концептуального проопричного нарратива и его включение в летопись с тем набором книжников-исполнителей, который в 1570–1580-е гг. был в распоряжении властей, оказались нерешаемой задачей. И летописание прервалось на попытках сочинить такой нарратив еще на его подступах, так сказать. Но все это, конечно, недоказуемые гипотезы.

Единственное, что мы можем более или менее уверенно констатировать, это неудача, которую претерпели власти во главе с Иваном Грозным в отношении легитимации опричной политики. При жизни царя не было предпринято никаких шагов, ее обосновывающих и оправдывающих. Соответствующего нарратива не создали, публичных акций не предпринимали, а оформление опричных казней как театрализованного ролевого действия (как, видимо, было в случае по крайней мере новгородского погрома и казней на Поганой луже) давало скорее обратный эффект. Иностранцы свидетельствуют, что на публичные экзекуции зрителей сгоняли насильно [Гваньини, с. 141–142; Одерборн, с. 117–118; Шлихтинг, с. 47; анализ источников см.: Филюшкин, 2024, с. 12–13]. Поэтому когда уже после смерти Ивана IV возникли антиопричные сочинения (Повесть о Новгородском погроме, Житие Филиппа Колычева и др.), а в Смуту произошло окончательное оформление царя Ивана как отрицательной фигуры русской истории, столкновения позитивного и негативного нарративов не случилось. В осуждении опричного режима и правления Грозного в целом русские книжники конца XVI – начала XVII в. отличались редким единодушием, никто царя не оправдывал и его деяний не одобрял.

Можно говорить, что Иван Грозный был одним из первых отечественных правителей, который пытался преподнести потомкам идеологически выверенную переписанную историю своего правления, но сумел это сделать только для 1530-х – начала 1550-х гг. А в историю он вошел как злодей из-за феномена опричнины, который не получил надлежащего оформления в нарративе для потомков. Это можно оценить как неудачу, провал исторической политики Ивана Грозного.

Архивы / Archives

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [Russian State Archive of Ancient Acts]. Ф. 89 (Сношения с Турцией). Оп. 1. Д. 2.

Библиографические ссылки / References

- Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л. : Наука, 1988. 241 с.
- Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Ист. зап. 1948. Т. 25. С. 266–292.
- Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного : Комплексное кодикологическое исследование. М. : Эдиториал-УРСС, 1998. 398 с.
- Булычев А. А. Между святыми и демонами : Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М. : Знак, 2005. 301 с.
- Гваньини А. Описание Московии = *Omnium regionum Moscoviae descriptio* / пер. с лат., ввод. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М. : Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 1997. 175 с.
- Гротовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр : История одного мифа / пер. с англ. И. И. Рабинович. Лондон : Multilingual Printing Services, 1987. 206 с.
- Емченко Е. Б. Стоглав : исследование и текст. М. : Индрик, 2000. 495 с.
- Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2016. 307 с.

Жуков А. Е. К истории формирования заключительной части Воскресенской летописи (1533–1541 гг.) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2023. Т. 33, вып. 1. С. 160–168. DOI 10.35634/2412-9534-2023-33-1-160-168.

Жуков А. Е. Летописный свод 1560 г. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2022. 201 с.

Иконников В. С. Опыт по историографии : в 2 т. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1908. Т. 2, кн. 2. 1057 с.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М. : Наука, 1980. 312 с.

Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М. : [Б. и.], 1981. С. 224–243.

Крам М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 888 с.

Левина С. А. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 4 вып. Л. : Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 39–42.

ЛЛС – Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история : в 24 кн. М. : Фирма Актеон, 2009–2014. Кн. 20. 1541–1551. 562 с. Кн. 21. 1551–1553. 590 с. Кн. 22. 1553–1557. 558 с.

Морозов В. В. Иван Грозный в летописании современников (опыт первичной формализации) // Математика в изучении средневековых повествовательных источников : сб. ст. / отв. ред. Б. М. Клосс. М. : Наука, 1986. С. 98–108.

Морозов В. В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (развитие жанра и эволюция концепции) // Тр. Отд. древнерус. лит. Л. : Наука, 1990. Т. 44. С. 246–268.

Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (к методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76–96.

Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века : дис. ... канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2000. 252 с.

Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии / изд. подг. В. В. Рыбаков, Д. Г. Хрусталева, А. И. Филишкин. М. : Наука, 2024. 437 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / изд. подг. Я. С. Лурье, Ю. М. Рыков. М. : Наука, 1993. 431 с.

Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение // Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. 1893. Т. 31. С. 1–51.

Псковские летописи : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 364 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2001–2004. Т. 8. 301 с. Т. 13. 532 с. Т. 29. 390 с. Т. 30. 240 с. Т. 43. 367 с.

Сиренов А. В. О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории : сб. науч. ст. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2014. Вып. 7. С. 113–125.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 545 с.

Сиренов А. В. Степенная книга. История текста. М. : Языки славянских культур, 2007. 539 с.

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1892. Т. 71. 807 с.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб. : Наука, 1992. 571 с.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 515 с.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007–2012. Т. 2. Степени XI–XVII. 559 с. Т. 3. Комментарий. 470 с.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. 751 с.

Филошкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М. : ВГУ, 1998. 352 с.

Филошкин А. И. Сведения об опричнине в сочинениях европейцев: к вопросу о соотношении текстов // Рос. ист. 2024. № 5. С. 3–17. DOI 10.31857/S2949124X24050015.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М. : Молодая гвардия, 1999. 401 с.

Хорошкевич А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отеч. ист. 1994. № 3. С. 23–42.

Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М. : Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904. 172 с.

Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер., ред. и прим. А. И. Малеина. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. 63 с.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998. 448 с.

Al'shits, D. N. (1948). Proiskhozhdenie i osobennosti istochnikov, povestvuyushchikh o boyarskom myatezhe 1553 g. [The Origins and Features of Sources Telling about the Boyar Rebellion of 1553]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 25, pp. 266–292. (*In Rus.*)

Al'shits, D. N. (1988). *Nachalo samoderzhaviya v Rossii* [The Beginning of Autocracy in Russia]. Leningrad, Nauka. 241 p. (*In Rus.*)

Amosov, A. A. (1998). *Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo. Kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie* [The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. A Comprehensive Codicological Study]. Moscow, Editorial-URS S. 398 p. (*In Rus.*)

Bulychev, A. A. (2005). *Mezhdru svyatyimi i demonami. Zametki o posmertnoi sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo* [Between Saints and Demons. Notes on the Posthumous Fate of the Disgraced Tsar Ivan the Terrible]. Moscow, Znack. 301 p. (*In Rus.*)

Emchenko, E. B. (2000). *Stoglav. Issledovanie i tekst* [Stoglav. Research and Text]. Moscow, Indrik. 495 p. (*In Rus.*)

Filyushkin, A. I. (1998). *Istoriya odnoi mistifikatsii. Ivan Grozny i "Izbrannaya Rada"* [The History of One Mistification. Ivan the Terrible and the "Select Council"]. Moscow, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 352 p. (*In Rus.*)

Filyushkin, A. I. (2024). Svedeniya ob oprichnine v sochineniyakh evropeitsev. K voprosu o sootnoshenii tekstov [Information about the Oprichnina in the Works of Europeans. On the Issue of the Relationship of Texts]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–17. DOI 10.31857/S2949124X24050015. (*In Rus.*)

Florya, B. N. (1999). *Ivan Grozny* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaya gvardiya. 401 p. (*In Rus.*)

Grobovskii, A. N. (1987). *Ivan Grozny i Sil'vestr. Istoriya odnogo mifa* [Ivan the Terrible and Sylvester. The Story of One Myth] / ed. by I. I. Rabinovich. L., Multilingual Printing Services. 206 p. (*In Rus.*)

Guagnini, A. (1997). *Opisanie Moskovii = Omnium regionum Moscoviae descriptio* [Description of Muscovy = Omnium regionum Moscoviae descriptio] / ed. by G. G. Kozlova. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina. 175 p. (*In Rus.*)

Halperin, C. (2019). *Ivan the Terrible. Free to Reward & Free to Punish*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press. 366 p.

Ikonnikov, V. S. (1908). *Opyt po istoriografii v 2 t.* [An Attempt at Historiography. 2 Vols.]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo universiteta Svyatogo Vladimira. Vol. 2. Book 2. 1057 p. (*In Rus.*)

Khoroshkevich, A. L. (1994). Tsarskii titul Ivana IV i boyarskii "myatezh" 1553 goda [The Tsar's Title of Ivan IV and the Boyar "Rebellion" of 1553]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, pp. 23–42. (*In Rus.*)

Kleimola, A. M. (1986). Kto kogo: Patterns of Duma Recruitment. 1547–1564. In *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 38, S. 205–220.

Kloss, B. M. (1980). *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon Chronicle and Russian Chronicles of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. 312 p. (*In Rus.*)

Koretskii, V. I. (1981). *Solovetskii letopisets kontsa XVI v.* [The Solovetsky Chronicle of the Late 16th Century]. In *Letopisi i khroniki*. Moscow, S. n., pp. 224–243. (In Rus.)

Krom, M. M. (2010). “*Vdovstvuyushchee tsarstvo*”: *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“The Dowager Kingdom”: Political Crisis in Russia in the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p. (In Rus.)

Levina, S. A. (1989). *Letopis’ Voskresenskaya* [Voskresenskaya Chronicle]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi v 4 vyp.* Leningrad, Nauka. Iss. 2. Part 2, pp. 39–42. (In Rus.)

LLS – *Litsevoi letopisnyi svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya v 24 kn.* [Illustrated Chronicle Collection of the 16th Century. Russian Chronicle History. 24 Books]. (2009–2014). Moscow, Firma Akteon. Book 20. 1541–1551. 562 p. Book 21. 1551–1553. 590 p. Book 22. 1553–1557. 558 p. (In Rus.)

Lurye, Ya. S., Rykov, Yu. M. (Eds.). (1993). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. Moscow, Nauka. 431 p. (In Rus.)

Morozov, V. V. (1986). *Ivan Grozniy v letopisanii sovremennikov (opyt pervichnoi formalizatsii)* [Ivan the Terrible in the Chronicles of His Contemporaries (an Attempt at Primary Formalisation)]. In Kloss, B. M. (Ed.). *Matematika v izuchenii srednevekovykh povestvovatel’nykh istochnikov. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 98–108. (In Rus.)

Morozov, V. V. (1990). *Ot Nikonovskoi letopisi k Litsevomu letopismu svodu (razvitie zhanra i evolyutsiya kontseptsii)* [From the Nikon Chronicle to the Illustrated Chronicle Collection (Development of the Genre and Evolution of the Concept)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 44, pp. 246–268. (In Rus.)

Nazarov, V. D. (1976). *Iz istorii tsentral’nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii serediny XVI veka (k metodike izucheniya voprosa)* [From the History of Central State Institutions of Russia in the Mid-16th Century (On the Methodology of Studying the Issue)]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 76–96. (In Rus.)

Novikova, O. L. (2000). *Novgorodskie letopisi XVI veka* [Novgorod Chronicles of the 16th Century]. Dis. ... kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 252 p. (In Rus.)

Oderborn, P. (2024). *Zhizn’ Ivana Vasil’evicha, velikogo knyazya Moskovii* [The Life of Ivan Vasilyevich, Grand Prince of Muscovy] / ed. by V. V. Rybakov, D. G. Khrustalev, A. I. Filuyshkin. Moscow, Nauka. 437 p. (In Rus.)

Pokrovsky, N. N., Lenhoff, G. D. (Eds.). (2007–2012). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam v 3 t.* [The Book of Degrees of the Royal Genealogy According to the Ancient Manuscripts. 3 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. Vol. 2. 559 p. Vol. 3. 470 p. (In Rus.)

Presnyakov, A. E. (1893). *Tsarstvennaya kniga, ee sostav i proiskhozhdenie* [The Tsar Book, Its Composition and Origin]. In *Zapiski istoriko-filologicheskogo fakul’teta imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. 31, pp. 1–51. (In Rus.)

Pskovskie letopisi v 2 t. [Pskov Chronicle. 2 Vols.]. (1955). Moscow, Leningrad, Izdatel’svo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. 364 p. (In Rus.)

PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. (2001–2004). Moscow, Yazyki russkoi kul’tury. Vol. 8. 301 p. Vol. 13. 532 p. Vol. 29. 390 p. Vol. 30. 240 p. Vol. 43. 367 p. (In Rus.)

Schlichting, A. (1934). *Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. “Skazanie” Al’berta Shlikhtinga* [News about Russia during the Time of Ivan the Terrible. Albert Schlichting’s Tale] / ed. by A. I. Malein. Leningrad, Izdatel’svo Akademii nauk SSSR. 63 p. (In Rus.)

Shakhmatov, A. A. (1904). *O tak nazyvaemoi Rostovskoi letopisi* [About the So-Called Rostov Chronicle]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 172 p. (In Rus.)

Sirenov, A. V. (2007). *Stepennaya kniga. Istoriya teksta* [The Book of Degrees. History of the Text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 539 p. (In Rus.)

Sirenov, A. V. (2010). *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.* [*The Book of Degrees and Russian Historical Thought of the 16th–18th Centuries*]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 545 p. (*In Rus.*)

Sirenov, A. V. (2014). O vremeni sozdaniya Voskresenskoi letopisi [About the Time of Creation of the *Voskresenskaya Chronicle*]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Sbornik nauchnykh statei*. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Iss. 7, pp. 113–125. (*In Rus.*)

SIRIO – *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Issue of the Imperial Russian Historical Society]. (1892). St Petersburg, Tipografiya N. A. Lebedeva. Vol. 71. 807 p. (*In Rus.*)

Skrynnikov, R. G. (1992). *Tsarstvo terrora* [Tsardom of Terror]. St Petersburg, Nauka. 571 p. (*In Rus.*)

Smirnov, I. I. (1958). *Ocherki politicheskoi istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka* [Essays on the Political History of the Russian State in the 1530s–1550s]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 515 p. (*In Rus.*)

Usachev, A. S. (2009). *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [*The Book of Degrees and Old Russian Literature of the Time of Metropolitan Macarius*]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 751 p. (*In Rus.*)

Yurganov, A. L. (1998). *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, MIROS. 448 p. (*In Rus.*)

Zhukov, A. E. (2016). “*Letopisets nachala tsarstva*” i russkoe letopisanie XVI v. [*The Chronicle of the Beginning of the Tsardom and the Russian Chronicling of the 16th Century*]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 307 p. (*In Rus.*)

Zhukov, A. E. (2022). *Letopisnyi svod 1560 g.* [Chronicle Collection of 1560]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 201 p. (*In Rus.*)

Zhukov, A. E. (2023). K istorii formirovaniya zaklyuchitel'noi chasti Voskresenskoi letopisi (1533–1541 gg.) [On the History of the Formation of the Final Part of the *Voskresenskaya Chronicle* (1533–1541)]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. Vol. 33. No. 1, pp. 160–168. DOI 10.35634/2412-9534-2023-33-1-160-168. (*In Rus.*)

The article was submitted on 24.01.2025